

УРОКИ ПАНДЕМИИ

Исполнительный директор Глобального фонда Питер Сэндс считает, что экономисты должны уделять больше внимания вопросам всемирного здравоохранения

С COVID-19 застал врасплох всех, в том числе экономистов. Пандемии сопровождаются значительными макроэкономическими издержками, однако до последнего времени им не уделялось должного внимания.

Такое несоответствие беспокоит Питера Сэндса, исполнительного директора Глобального фонда для борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией, имеющего опыт профессиональной деятельности как в сфере финансов, так и в сфере здравоохранения. Ранее он занимал должности генерального директора Standard Chartered, ведущего неисполнительного директора совета при Министерстве здравоохранения Великобритании и члена правления Глобальной деловой коалиции по борьбе со СПИДом, туберкулезом и малярией.

В интервью с Ручиром Агарвалом, руководителем Целевой группы МВФ по вопросам всемирного здравоохранения и борьбы с пандемией, созданной с целью усилить вклад Фонда в борьбу с COVID-19, Сэндс размышляет о проблемах глобального здравоохранения, пандемий и о том, почему экономистам следует уделять внимание этим вопросам.

Ф&Р: В начале пандемии вы написали статью «Когда финансовый сектор терпит провал», в которой рассматривается вопрос о том, почему экономисты не смогли предвидеть обвал экономики вследствие COVID-19. Почему это произошло?

ПС: После ухода из Standard Chartered я работал научным сотрудником в Гарвардском университете, изучая вопросы экономики и финансов в сфере глобального здравоохранения, в частности связанные с пандемиями. Меня особенно поразило то, что почти никто в финансовом и экономическом мире, включая МВФ, не воспринимал риск таких вспышек заболеваний всерьез. Говоря конкретнее, я определил 15 стран, в которых возникли вспышки инфекционных заболеваний, и изучил отчеты по странам, опубликованные МВФ, S&P и Economist Intelligence Unit за два года до и два года после этих вспышек. Хотя вспышки упоминались в 63 процентах докладов МВФ, опубликованных после их наступления, ни в одном отчете, опубликованном до начала вспышки, этот риск не отмечался. И это касается не только докладов МВФ.

В чем причина такого «слепого пятна»? Во-первых, людям, в том числе экономистам, плохо удается оценивать маловероятные события с высокой степенью воздействия. Мы их либо преувеличиваем, либо игнорируем. Люди склонны анализировать те риски, которые им понятны, а поскольку такие организации, как МВФ, не чувствовали себя комфортно в вопросах, связанных с эпидемиологией, они их не рассматривали. Между мирами здравоохранения и экономики — узкоспециализированными и технически сложными сферами, специалисты которых не говорят на общем языке, — существовала пропасть непонимания.

Ф&Р: Какие уникальные подходы МВФ может привнести в заблаговременную оценку воздействия таких вспышек заболеваний?

ПС: Относительно небольшие вспышки заболеваний происходят регулярно, но время от времени они приобретают масштабный характер, как это произошло в случае COVID-19. Можно оценивать уязвимость страны перед вспышками и ее способность их преодолевать точно так же, как МВФ оценивает способность страны справляться с другими макроэкономическими проблемами, такими как шоки ликвидности. МВФ может, опираясь на труды других специалистов для изучения эпидемиологической стороны вопроса, анализировать воздействие

Будучи банкиром, я часто слышал фразу: «Время — деньги». В мире глобального здравоохранения «время — это жизнь».

вспышек заболеваний на экономику. Для этого требуются квалифицированные специалисты и возможности, которые являются основными сильными сторонами МВФ.

Ф&Р: Привлек ли COVID-19 внимание к аспектам здравоохранения, важным с макроэкономической точки зрения? Считаете ли вы, что такие организации, как МВФ, теперь будут уделять им больше внимания?

ПС: Если такие крупные организации, как МВФ, в условиях COVID-19 еще не осознали, что инфекционные заболевания могут иметь серьезные макроэкономические и финансовые последствия, я не знаю, что их убедит. Их влияние носит еще более масштабный характер, чем мировой финансовый кризис. Пандемия показала, каким образом происходит передача воздействия между вспышками заболеваний и экономикой, например, кто получает выгоду, а кто несет убытки, и некоторые из этих уроков вызывают удивление. Но я не думаю, что сейчас кто-то может сказать: «Если мне нужно оценить будущие экономические риски, мне незачем принимать во внимание угрозу потенциальной пандемии».

Ф&Р: По вашему мнению как представителя Глобального фонда, каковы основные приоритеты на ближайшее время с точки зрения спасения жизней людей и поддержки широкого восстановления экономики?

ПС: Глобальный фонд был создан для борьбы с последней крупной пандемией — пандемией ВИЧ/СПИДа, которая унесла жизни почти 40 миллионов человек. Наша основная сильная сторона состоит в способности бороться с крупнейшими инфекционными заболеваниями. Мы очень быстро отреагировали на кризис COVID-19, выделив соответствующие средства уже в марте 2020 года. С тех пор мы распределили примерно 4 миллиарда долларов США. Глобальный фонд обеспечивает основную поддержку в странах с низкими и средними доходами, касающуюся не связанных с вакцинами элементов здравоохранения, таких как тестирование, СИЗ [средства индивидуальной защиты] и обеспечение кислородом.

Для того чтобы победить пандемию, необходимы более масштабные и быстрые меры. Логика борьбы с инфекционными заболеваниями заключается в том, чтобы быстро положить им конец, поскольку существует нелинейный эффект как от победы над ними, так и от их стремительного распространения. Необходимо избегать неравномерных ответных мер. Вакцины — наше самое мощное оружие, но одними вакцинами COVID не победить. Необходим более комплексный ответ, охватывающий широкий спектр элементов.

Ф&Р: Повлияла ли пандемия на способность мира бороться с другими серьезными заболеваниями?

ПС: COVID-19 — это худшее, что когда-либо случалось в борьбе с ВИЧ, туберкулезом и малярией. Глобальный фонд недавно опубликовал доклад о результатах за 2020 год; впервые за нашу

20-летнюю историю основные показатели по всем трем видам заболеваний ухудшились. Для сравнения: в большинстве стран с низкими доходами и стран с доходами ниже среднего от ВИЧ, туберкулеза и малярии погибает больше людей, чем от COVID. Нам нужны ответные меры, ориентированные как на прямое воздействие COVID, так и на эффект цепной реакции, передающийся на другие виды заболеваний.

Ф&Р: Может ли COVID-19 активизировать поддержку комплексного подхода в области глобального здравоохранения, ориентированного не просто на борьбу с отдельными заболеваниями, но на решение широкого спектра проблем?

ПС: Население необходимо защищать от целого ряда болезнетворных микроорганизмов. Нет смысла спасать человека от COVID-19 только для того, чтобы он умер от туберкулеза. Еще один урок заключается в ценности сквозного подхода, когда специалисты, участвующие во внедрении новых медицинских инструментов, работают в сотрудничестве с теми, кто их разрабатывает и запускает в производство.

Третий урок состоит в ценности времени. Будучи банкиром, я часто слышал фразу: «Время — деньги». В мире глобального здравоохранения «время — это жизнь». Но мир глобального здравоохранения не всегда так работает; для него характерны более размеренные темпы. Мы приняли меры в ответ на COVID в беспрецедентно короткие сроки. Нам следует применить столь же безотлагательный подход и к мерам по борьбе с другими заболеваниями.

Ф&Р: Недавно поступили благоприятные новости об одобрении вакцины против малярии. Рассчитываете ли вы на прогресс и в других областях в ближайшие месяцы и годы?

ПС: Опыт COVID-19, который опроверг прежние представления о том, сколько времени требуется для разработки ответных мер, таких как экспресс-тестирование и вакцины, побуждает нас пересмотреть свои ожидания о том, как быстро можно разработать подобные меры и для других заболеваний. На утверждение новой вакцины против малярии RTS,S потребовались годы, и Глобальный фонд вкладывал средства в ее разработку. Есть и другие примеры. Мы провели беседу с представителями мира туберкулеза, которые с энтузиазмом обсуждают возможность создания вакцины через четыре-пять лет. Однако у меня возникает вопрос: если мы способны разработать вакцину против вируса, которого мы никогда раньше не видели, всего за год, то почему мы с таким упованием ждем создания через четыре-пять лет вакцины против болезни, которая была у нас уже сотни лет? Нам необходимо более четкое осознание необходимости безотлагательного решения этой проблемы. **ФР**

Настоящее интервью отредактировано из соображений объема и ясности.